

Е.В. Буденная

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234 г. Москва, Российская Федерация;

Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Экспансия местоимений в истории русского языка: именные клаузы¹

В истории русского языка произошла типологически редкая перестройка субъектной референциальной стратегии. Так, если в древнерусском языке субъектная референция маркировалась преимущественно глагольными аффиксами, то в современном русском языке она осуществляется с помощью личных местоимений. Глагольные связки, выполнявшие референциальную функцию ранее, полностью утратились. Причины и детали подобного перехода представляют большой интерес. На данный момент известно, что ранее всего экспансия местоимений и падение связок произошли в именных клаузах, однако до сих пор точно не установлено, как именно взаимодействовали параллельные процессы экспансии местоимений и падения связок и какой именно из них является «отправной точкой» для всей дальнейшей эволюции. В данной статье на основе нового диахронического анализа памятников XI–XVII вв. (313 релевантных клауз) мы постараемся дать ответы на эти вопросы.

Ключевые слова: субъектная референция, личное местоимение, именные клаузы, диахронический анализ, древнерусский язык, русский язык.

E. Budennaya

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119234, Russian Federation

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Pronoun expansion in the history of Russian: nominal clauses¹

The Russian language has undergone typologically rare changes in its subject reference marking pattern. Namely, if Old Russian employed verbal inflection for marking subject, modern Russian does it mostly by personal pronouns. During the history verb copulas which performed the referential function in Old Russian were completely lost. The reasons and details of such a transition are of great interest. At the moment, it is established that at the earliest stage pronoun expansion and copular loss have both occurred in nominal clauses, but until now it has not been investigated how exactly these two parallel processes interacted with each other and which of them triggered the initial shift. In this article, based on a new diachronic analysis of the monuments of the 11th–17th centuries (313 relevant clauses), we will try to answer these questions.

Key words: subject reference, personal pronoun, diachronic analysis, Old Russian language, Russian language, nominal clauses.

Введение

В древнерусском языке – общем предке современных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) – ведущим типом маркирования субъектной референции были глагольные аффиксы, тогда как субъектные местоимения употреблялись лишь в ограниченных случаях (эмфаза, контрастивное противопоставление и др.²). Помимо древнерусского, данный тип референциального маркирования был также свойственен практически всем письменно засвидетельствованным древним индоевропейским языкам и в этой связи реконструируется и для общего предка [Hopper, 1975, p. 80; Adams, Mallory, 2006, p. 60; Walkden, 2014, p. 230]:

¹ The work on this paper was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR project 17-06-00460).

² Подробно об «обязательных местоимениях» см. раздел 1.2.

(1) Др.-рус. (БГ-644¹, 1-я пол. XII в.)

Чему² не восолещи чето ти есемо водала ковати

‘Почему (ты) не присылаешь то, что (я) дала тебе выковать’.

¹ Анализируемые памятники: АктЮр – Акты юридические, или собрание форм старинного дѣлопроизводства. СПб., 1858; Афник – Никитин А. Хождение за три моря // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 7: Вторая половина XV в. СПб., 1999; БГ – Берестяные грамоты XI–XV вв. URL: <http://gramoty.ru>; Грозный – Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2001. Т. 11: XVI в.; ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949; ВелНовг – Великий Новгород во второй половине XVI века: Сб. документов / Под ред. К.В. Баранова. М., 2001; Гал – Купчинский О. Акты та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV ст. Львів, 2004; ЕршЕрш – Повесть о Ерше Ершовиче / Подготовка текста и примеч. А.М. Панченко // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 581–588; Киев-Д – Киевская летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908. (диалогическая часть); Молд – Молдавско-украинские документы XIV в. // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. / Под ред. Я.С. Гросул, А.А. Новосельского, Л.В. Черепнина. Т. 1, 1408–1632 гг.; НовгСел – Документы по истории Великого Новгорода XVI в. из архивов России и Швеции, собранные Адрианом Селиным. URL: <http://adrianselin.narod.ru>; ПВЛ – Повесть временных лет. Цит. по Лаврентьевской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926–28; ПГ – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Т. I, II. М., 1977–1978; ПскПеч-Дел – Деловые письма из Повести о Псково-Печерском монастыре / Подготовка текста, пер. и коммент. В.И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI в. СПб., 2005; ПосКр – Посольская книга по связям России с Крымом. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордями и с Турцией. Т. 1 (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884; Риж – Хорошкевич А.Л. Рижские грамоты 60–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966; РусПр – Пространная Русская Правда (по Троицкому списку 2-й половины XIV в.). // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 64–73; Судный список великокняжеского бортника Сати // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. № 364; Угл – Шумаков С.А. Угличские акты (1400–1749 гг.). М., 1899; Укр – Розов В.А. Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Киев, 1928; Феодосий – Послание игумена Хутынского монастыря Феодосия старцу Алексею о дяке Якове Шишкине // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001; ЦарГр – Повести о взятии Царьграда крестоносцами // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 5: XIII в. (диалогическая часть); AnRB – „in Rusch Boeck...“ : ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert // Falowski A. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Editionen, Neue Folge. Bd. 3 (18). Köln, 1994; Fenne – Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. L.L. Hammerich, R. Jakobson (eds). Copenhagen, 1970.

² Древнерусские примеры в данной статье даются в современной орфографии.

- (2) Лат. (средневековая пословица, возможно, восходит к Цицерону)

Dum spir-o sper-o
пока дышать.PRS-1SG¹ надеяться.PRS-1SG
'Пока дышу, надеюсь'.

- (3) Др.-верх.-нем. (Отфрид фон Вейсенбург, "Liber evangeliorum", IX в.; пример из [Eggenberger, 1961, с. 35])

Ni thárf-t es ... lóugn-en
NEG быть.должным.PRS-2SG оно.GEN отрицать-INF
'Ты не должен отрицать это'.

Данный тип референциального маркирования, по данным [Dryer, 2011], представлен и в подавляющем большинстве индоевропейских языков-потомков: романских (за исключением галло-романских), большинстве западно- и южнославянских, греческом, литовском, – и в целом является самым частотным (61% языков мира). Тем необычнее выглядит то, что с течением времени ряд языков Европы перешел от этой частотной и устойчивой стратегии к гораздо более редкой местоименной модели (согласно выборке [Dryer, 2011], она представлена в 12% современных языков мира). Среди таких языков выделяются восточнославянские, в которых представлен достаточно сложный тип референциального маркирования: несмотря на доминирование модели с субъектным местоимением, примерно в 1/3 случаев (данные [Kibrik, 1996]) оно опускается и референт маркируется только глагольными аффиксами:

- (4) Рус. (Национальный корпус русского языка², ср. (1)):

а. *Я считаю³, что портал мы создали вместе.*
б. *Прошу прощения, если Вас чем-то обидела.*

Данная стратегия с «двойным» маркированием референции (местоимения + личные окончания глагола), несмотря на кажущуюся носителям «привычность», является очень редкой среди языков мира. По данным

¹ Условные обозначения: 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; AUX – вспомогательный глагол; COMP – сравнительная степень; DAT – датив; DEF – определенность; F – женский род; FUT – будущее время; GEN – генитив; INF – инфинитив; LOC – локатив; M – мужской род; N – средний род; NEG – отрицание; NOM – номинатив; OBL – обликвус; PL – множественное число; POSS – посессивность; PTCP – страдательное причастие; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; REFL – возвратный показатель; SG – единственное число.

² <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

³ Здесь и далее выделение и деление на клаузы мое. – Е.Б.

[Siewierska 2004], в выборке из 402 языков она встречается только в Европе (германские, северные романские и восточнославянские языки), а также в нескольких языках коренных народов Северной Америки, Африки и Океании. Русский же тип, позволяющий при этом также периодический пропуск местоимения, является еще более редким. Причины развития столь редкого маркирования субъектной референции из достаточно стабильной стратегии с глагольными окончаниями представляют большой интерес и являются давним предметом дискуссий (см. обзор [Meuer, 2011, с. 21]).

С целью выяснения деталей самого древнего этапа эволюции, в данной работе будет предпринята попытка проследить истоки возникновения новой местоименной стратегии на примере древнерусских именных клауз, в которых, как предполагается, данный процесс произошел ранее всего [Зализняк, 2008, с. 255]. Основным методом является диахронический анализ корпуса текстов, максимально близких по стилю (см. раздел 2), с применением статистического аппарата.

Данная статья состоит из 3 разделов. В разделе 1 будут представлены исходные данные и имеющиеся гипотезы о причинах русской референциальной эволюции. В разделе 2 будет рассказано об основных принципах отбора текстов для анализа. В разделе 3 будут представлены результаты нашего исследования, которые прояснят многие спорные вопросы о взаимосвязи утраты связок и экспансии местоимений.

1. Исходные данные и основные гипотезы

Среди всех клауз русского языка, затронутых экспансией местоимений, выделяются три основных типа: именные¹ (*стар есмь / я стар*), глагольные презентные (*ѿ даю / я даю*) и глагольные перфектные, ставшие впоследствии клаузами нового прошедшего времени на *-л* (*дал есмь / я дал / ѿ дал*). В именных презентных и глагольных перфектных клаузах личные местоимения заняли место утратившейся глагольной связки, ранее выполнявшей референциальную функцию, тогда как в презентных клаузах местоимения стали новым членом, дублирующим референциальную функцию глагольных аффиксов. Все эти типы клауз можно видеть в параллельных текстах (5), идентичных по содержанию, но написанных с разницей в 800 лет:

¹ Здесь и далее под именными клаузами подразумеваются именные презентные клаузы. Именные претеритные клаузы в этой работе не рассматривались ввиду крайне малого их количества (5 примеров на приблизительно 5000 клауз корпуса).

(5)

БГ-644, нач. XII в.	Современный перевод [Зализняк, 2004, с. 267]
<p><i>От нѣжеке ко завиду чемоу не восолиши чето ти есемо водала ковати я дала тобѣ а нѣжатъ не дала али чимо есемо виновата а восоли отрока а водале ми еси хамече а чи за то не даси а восоли ми вѣсть а не сестра я вамо оже тако дѣлаете не исправитъ ми ничето же</i></p>	<p><i>От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я дала тебе выковать? Я дала тебе, а не Нежете. Если я что-нибудь должна, то посылай отрока. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А я вам не сестра, раз вы так поступаете, не исполняете для меня ничего!</i></p>

На данный момент исследователи русской референциальной перестройки сходятся, по крайней мере, в двух положениях, связанных с временными рамками этого процесса. В частности, ученые солидарны в том, что завершение эволюции приходится на XVII в., к концу которого ситуация «уже практически не отличается от современной» [Зализняк, 2008, с. 256]; см. также [Черных, 1952, с. 227; Борковский, Кузнецов, 2006, с. 323]. Кроме того, не вызывает возражений и то, что самым ранним засвидетельствованным (XI–XII вв.) процессом, связанным с перестройкой русской референциальной модели, было падение глагольных связей в 3-м лице перфекта [Черных, 1952, с. 226; Борковский, Кузнецов, 2006, с. 323; Зализняк, 2004, с. 172], а также именных клаузах 3-го лица [Борковский, Кузнецов, 2006, с. 332]. Уже самые ранние памятники не книжного стиля¹ последовательно отражают этот факт:

(6) БГ-247, 1-я пол. XI в.:

а замъке ѿ кѣле а двѣри ѿ кѣль
‘А замок целый, а двери целые’.

(7) БГ-605, нач. XII в.:

мене игомене не ѿ поустиле (не *нестъ поустиле*. – Е.Б.).

(8) ГВНП-28, кон. XII в. (Договор Новгорода с Ригой и Готским берегом, 1195):

паки ли соромит собе свободна ѿ
‘Если он изнасилует [рабыню] – она свободна
(т.е. освобождается)’.

¹ Более подробно о стилях древнерусского языка см. раздел 2.1.

² Здесь и далее символом **ѿ** обозначено отсутствие личного местоимения или глагольной связки, окончания которой осуществляли референциальную функцию.

С учетом этих фактов ряд исследователей [Jakobson, 1971, p. 21; Борковский, 1968, p. 50; Lindseth, 1998, p. 65; Kibrik, 2004] высказывает общую гипотезу об утрате глагольных связок как о первопричине экспансии местоимений. Наиболее полно эта гипотеза представлена в работах А.А. Кибрика, где отмечается, что сама по себе экспансия местоимений представляет собой явление явно «немотивированное», тогда как «унификация глагольной парадигмы является достаточно распространенным процессом» [Kibrik, 2013, p. 237]¹. Тем не менее, ряд положений в этой гипотезе – как общего характера, так и применительно к данным русского языка – требует более детальных исследований.

Так, само по себе падение глагольной связки в 3-м лице перфекта действительно типологически распространено и засвидетельствовано в большинстве западно- и южнославянских языков² [Lindseth, 1998, p. 66]. Однако переход от утраты нулевых связок 3-го лица к утрате нулевых связок 1-го и 2-го лиц уже не является столь частотным. В частности, в западно- и южнославянских языках отсутствие формального выражения 3-го лица не повлекло за собой никакой референциальной неоднозначности и дальнейших перестроек, а, наоборот, стало восприниматься носителями как особый нулевой показатель 3-го лица: «A zero copula signals 3rd person» [Там же, p. 67]. Не исключено, что данная модель является частным случаем более общей стратегии с нулевым маркером 3-го лица и отличными ненулевыми показателями 1-го и 2-го лиц, в том или ином виде встречающейся практически по всему земному шару [Bhat, 2007, p. 37, 74].

Если же считать падение связок 3-го лица «толчком» не к выравниванию глагольной парадигмы, а к непосредственному появлению местоимений на месте утраченной связки, то в этом случае следовало бы ожидать, что первые субъектные местоимения «новой» волны будут именно местоимениями 3-го лица [Meuer, 2011, p. 98]. Однако это противоречит фактам: субъектные местоимения 3-го лица в древнерусских памятниках в основном непосредственно наблюдаются лишь начиная с XIII–XIV вв. [Борковский, Кузнецов, 2006, с. 322], гораздо позже местоимений 1-го и 2-го лиц (ср. *a ne sestra я вамо* в (6)). Кроме того,

¹ См., в частности, данные афроазиатских, нило-сахарских и ряда языков Центральной и Южной Америки и Океании [Korotev, 2011, с. 16], а также схожие тенденции в афроамериканском английском (*He s working → He workin'*).

² За исключением словенского и лужицких; также в сербско-хорватском языке глагольная связка 3-го лица периодически употребляется в зависимости от дополнительных дискурсивных особенностей, а в болгарском и македонском – в связи с эвиденциальностью [Грицкат, 1954].

определенной сложностью является и тот факт, что уже в ранних памятниках наряду со связочными безместоименными встречаются трехчленные модели, содержащие в себе и местоимение, и глагольную связку [Зализняк, 2008, с. 247; Meyer, 2011, с. 95, 100]. Сами по себе такие конструкции свидетельствуют скорее против гипотезы о более раннем падении связок по отношению к экспансии местоимений:

(9) *азь есмь велми боленъ* (Киев-Д, XII в.).

(10) *мы есмы приставлены в Роуской земль* (Киев-Д, XII в.).

(11) *Урядил есмь аз святеи Софии* (Св1137, XII в.).

Принимая во внимание эти данные, ряд исследователей высказывает обратную гипотезу о первичности экспансии местоимений по отношению к падению связок [Борковский, Кузнецов, 2006, с. 324, 332; Иванов, 1982, с. 101; Зализняк, 2004, с. 170]. Однако аргументы в пользу этой гипотезы не менее зыбки: помимо уже упомянутой общей «немотивированности», даже сами текстовые данные (9)–(11) на данный момент интерпретируются исследователями по-разному. С одной стороны, наличие промежуточного трехчленного этапа типа *я есмь князь* на пути от двучленной связочной модели *князь есмь* к местоименной *я князь* действительно может быть фактором в пользу приоритета экспансии местоимений над утратой связок. С другой стороны, подобные трехчленные модели в памятниках, близких разговорному языку, достаточно редки [Зализняк, 2004, с. 178], что также не позволяет строить каких-либо однозначных выводов.

Основной же фактологической сложностью в имеющихся диахронических исследованиях данной проблемы является крайняя стилистическая разнородность исследуемых текстов¹. Данный факт неразрывно связан с особенностями древнерусской литературы в целом: все ее памятники фактически с самого начала письменности и до XVII в. [Живов, 2017, с. 213, 231] относились к двум принципиально разным стилистическим регистрам – книжному (жития, исторические повести, летописи) и некнижному (грамоты, акты, письма), причем основной массив данных составляют книжные тексты. Для книжных памятников была характерна сюжетная ориентация на вечные христианские истины и «образцовые» греческие и старославянские тексты. Этот принцип отражался в жесткой языковой структуре [Успенский, 1994,

¹ В частности, в корпусном исследовании [Meyer, 2011] среди данных XII в. наравне представлены как сугубо религиозные книжные тексты «Иудейской войны» Флавия, так и новгородские берестяные грамоты, признанные самым близким отражением живого древнерусского языка [Зализняк, 2004, с. 20].

с. 21; Живов, 1996, с. 34], в ряде случаев калькировавшей греческий и южнославянский морфосинтаксис [Живов, 2001, с. 14]. С учетом того, что и в греческом, и в старославянском языке субъектные местоимения в немаркированной позиции отсутствовали, изучение непосредственной экспансии субъектных местоимений на основе древнерусских книжных текстов автоматически делает полученные результаты уязвимыми.

С этих позиций не книжные тексты стоят намного ближе к аутентичному древнерусскому языку и представляются намного более перспективными для исследования референциальной эволюции. Однако здесь ситуация осложняется тем, что непосредственный объем таких текстов в десятки раз меньше пространных книжных повестей, а именные клаузы зачастую представлены считанными примерами, не позволяющими однозначно судить о процессе эволюции. Тем не менее, несомненно, что при возможном расширении выборки не книжных текстов их данные оказались бы намного более значимыми для прослеживания референциальной перестройки в древнерусском языке, чем показания книжных памятников, специфически ориентированных на «образцовые» тексты. Именно поэтому в данной работе для итогового анализа была предпринята попытка максимально расширить корпус имеющихся не книжных текстов для наибольшей репрезентативности выборки. Об основных принципах отбора текстов при таком подходе пойдет речь в следующем разделе.

2. Корпус текстов и принципы отбора клауз

2.1. Общие замечания

Основным принципом для поэтапного диахронического отслеживания русской референциальной эволюции в данной работе было максимальное соблюдение стилевой однородности исследуемых текстов вкпе с максимально возможным объемом выборки. При отборе текстов изначальный приоритет отдавался памятникам, максимально близким разговорному языку своего времени. Среди всех древнерусских текстов XI – I-й половины XVII вв. различные исследователи данного вопроса в качестве таковых называют следующие произведения:

- 1) берестяные грамоты, XI–XV вв. [Зализняк, 2003];
- 2) раздел Киевской летописи, содержащий непосредственные диалоги князей, XII в. [Зализняк, 2008, с. 255];
- 3) «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, XV в. [Там же];
- 4) послания Ивана Грозного (за исключением послания Кирилло-Белозерскому монастырю), XVI в. [Лихачев, Лурье, 1951, с. 71; Зализняк, 2008, с. 255];

5) анонимный русско-нижненемецкий разговорник *Ein Rusch Boeck* ‘Русская книга’, сер. XVI в. [Fałowski, 1996];

6) русско-нижненемецкий разговорник Томаса Фенне, 1607 г. [Зализняк, 1998];

7) диалогическая речь летописей [Лихачев, 1947, с. 114].

Тем не менее общий объем релевантных именных клауз во всех этих памятниках, за исключением Киевской летописи, не превышал нескольких отдельных примеров, что не позволяло с уверенностью строить обобщения для языка в целом. В силу этих причин было принято решение расширить исследуемый корпус. Основным критерием для отбора новых текстов была их максимальная языковая близость к упомянутым выше памятникам. Таким образом, в центре внимания оказались все остальные не книжные тексты – прежде всего, деловые памятники.

Главным языковым отличием деловых текстов от бытовых является обилие повторяющихся этикетных формул [Хабургаев, 1978, с. 45; Улуханов, 2010, с. 140 и сл.; Живов, 2017, с. 496]. В силу этого, с целью создания однородной выборки, было принято решение предварительно изъять все такие повторения. Применительно к именным клаузам была обнаружена, однако, только одна подобная формула, а именно – устойчивая начальная модель *другу еси твоему друг, а недругу недруг, еси с нами заодин / еси один человек*, представленная в 85 из 101 документа Посольской книги по связям России с Крымом (кон. XV в.):

(12) ПосКр-30

*на той правде прямо стоим, **другу еси твоему друг,**
а недругу недруг; ...и ты бы на той правде прямо стоял,
другу бы еси моему друг был, а недругу недруг, **а был бы еси**
со мною на своих и на моих недругов **заодин.***

(13) ПосКр-34

*на том и стоишь, **другу еси моему друг, а недругу недруг;**
а на вопчих наших недругов... **еси с нами заодин.***

Все эти клаузы были исключены из выборки. Остальные модели не обнаружили существенных отличий от бытовых текстов и были приобщены к их данным.

2.2. Дальнейшая стратегия отбора клауз

После первичного объединения всех единиц данных в корпус на следующем этапе анализа была осуществлена фильтрация тех клауз, где пропуск местоимения был в принципе невозможен, поскольку

подобные «обязательные» местоимения (т.е. в контрастивном и эмфатическом значении) характерны для всех языков, где имеется категория субъектного местоимения, в том числе и тех, где референция в немаркированных случаях осуществляется с помощью глагольных аффиксов [Rizzi, 1997, p. 286; Cardinaletti, 2004, p. 149]; и поэтому не могут служить маркерами новой референциальной модели. Фильтрация клауз осуществлялась на основании внешних признаков, во многом совпавших на большем массиве данных с критериями, предложенными А.А. Зализняком для берестяных грамот [Зализняк, 2008, с. 242]. Основные случаи «обязательных» местоимений составили следующие две группы:

– если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим (или иным членом) предшествующей клаузы:

(14) *ты еси мой а я твой* (БГ-377);

– если подлежащее входит в состав сочиненной группы (соединенной союзами или бессоюзно) или если к нему относятся частицы *и* (усилительное), *не*, *ни*.

(15) *въльзи ты и жена твоя и сынове твои* (ПВЛ).

Остальные модели были привлечены к дальнейшему анализу. Итоговый объем всех исследованных релевантных клауз составил 313 единиц.

3. Поэтапный диахронический обзор в свете новых данных

3.1. Общие положения об именных клаузах

В большинстве работ, так или иначе затрагивающих проблему русской референциальной перестройки, именные клаузы либо не рассматриваются вовсе, либо в общих словах упоминаются вместе с совершенными как частный случай связочных клауз. Исключение составляют работы А.А. Зализняка, согласно которым экспансия местоимений в глагольных клаузах происходит ранее всего и наблюдается уже в берестяных грамотах XI–XV вв. [Зализняк, 2004, 2008], где в конструкциях с именным сказуемым-существительным «почти достигнуто современное состояние, а именно, в 10 случаях из 11 представлены фразы типа *а не сестра я вамо* (а не типа *а не сестра есмь вамо*)» [Зализняк, 2008, с. 255].

Текущий анализ, предпринятый по итогам этих соображений, затрагивал следующие основные пункты:

1) проверить исходный тезис о раннем завершении экспансии местоимений в именных клаузах со сказуемым-существительным на более широком материале;

2) проследить всю хронологию становления новой стратегии с субъектным местоимением и зафиксировать момент, когда она стала доминировать, отдельно для 1-го и 2-го vs 3-го лица;

3) проследить всю хронологию падения глагольных связок отдельно для 1-го и 2-го vs 3-го лица и связать ее с описанной ранее экспансией местоимений;

4) установить роль и место трехчленных моделей из местоимения, глагола-связки и именной части сказуемого в общем процессе эволюции;

5) по возможности, по итогам полученных данных, ответить на вопрос о том, было ли падение связок непосредственной причиной экспансии местоимений или нет.

Все эти пункты будут освещены в разделах 3.2–3.3.

3.2. Показания текстов: общие данные о местоимениях и связках

На первом этапе анализа все клаузы (313 единиц) были распределены по временным периодам и типу представленной модели. С учетом проверяемой гипотезы о более ранней экспансии местоимений в клаузах 1-го и 2-го лица со сказуемым-существительным, субстантивные и адъективные предикаты в 1-м и 2-м лице рассматривались отдельно. Для 3-го лица, с учетом существенно меньшего количества данных, данные предикаты не разделялись.

Хронологическое деление осуществлялось по следующим четырем периодам:

- 1) XI–XII вв.;
- 2) XIII – 1-я пол. XIV вв.;
- 3) 2-я пол. XIV – XV вв.;
- 4) XVI – 1-я пол. XVII вв.

Данное временное разделение в целом соответствует принципу, принятому в [Зализняк, 2004] на корпусе берестяных грамот (первые 3 периода). Принимая во внимание упомянутый выше тезис о том, что к концу XVII в. русская референциальная стратегия фактически не отличается от современной, в текущем исследовании был также выделен предшествующий период, с XVI по 1-ю пол. XVII вв., для которого предполагалось завершение референциальной эволюции.

Итоговое соотношение встретившихся клауз представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Общее число встретившихся моделей 1-го, 2-го vs 3 лица
в корпусе из 313 клауз**

Тип модели	XI–XII вв.	XIII в. – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в. – XV в.	XVI в. – 1-я пол. XVII в.
<i>я есмь князь</i>	31 (70%)	3 (25%)	3 (8%)	3 (27%)
<i>я ѿ князь</i>	5 (11%)	5 (42%)	15 (42%)	7 (63%)
<i>князь есмь</i>	8 (19%)	3 (25%)	17 (47%)	1 (10%)
<i>князь ѿ</i>	0 (0%)	1 (8%)	1 (3%)	0 (0%)
<i>я есмь виноват</i>	25 (42%)	1 (8%)	2 (5%)	0 (0%)
<i>я ѿ виноват</i>	3 (5%)	5 (38%)	11 (26%)	9 (70%)
<i>виноват есмь</i>	31 (53%)	7 (54%)	25 (60%)	4 (30%)
<i>виноват ѿ</i>	0 (0%)	0 (0%)	4 (9%)	0 (0%)
<i>он естъ князь/виноват</i>	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
<i>он ѿ князь/виноват</i>	2 (6%)	0 (0%)	6 (43%)	35 (97%)
<i>князь/виноват естъ</i>	28 (90%)	2 (100%)	2 (14%)	0 (0%)
<i>князь/виноват ѿ</i>	1 (4%)	0 (0%)	6 (43%)	1 (3%)

**3.2.1. Проверка гипотезы о более ранней экспансии местоимений
в клаузах с субстантивным предикатом**

Для проверки этой гипотезы все анализируемые клаузы были распределены по двум выборкам по наличию/отсутствию местоимения, глагольная связка на данном этапе не принималась во внимание. Затем в программе SPSS при помощи биномиального критерия (на малых выборках он считается более точным, чем χ -квадрат) осуществлялась статистическая проверка гипотезы H_0 о равном соотношении¹ местоименных и безместоименных клауз во всей генеральной совокупности.

¹ Данный тезис о равном соотношении местоименных и связочных моделей является не предметной точкой зрения автора, а сугубо математическим принципом, необходимым для статистической проверки гипотезы о значимом доминировании одних моделей над другими: идея проверки состоит в предварительном предположении о равенстве, которое затем опровергается с помощью статистики, в связи с чем делается соответствующий вывод о доминировании одной из сторон.

Если уровень значимости (p -value), полученный при проверке H_0 , не превосходил 0,05, то гипотеза отклонялась, и делался вывод о статистически значимом доминировании тех или иных моделей. Если же полученный уровень составлял более 0,95, то гипотеза о равной доле местоименных и безместоименных клауз принималась. В случае, если значение p находилось в промежутке от 0,05 и 0,95, то конкретные выводы не делались.

Итоговые результаты представлены в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2

**Статистическая проверка гипотезы
о становлении местоименной модели**

Тип модели	XI–XII вв.	XIII в. – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в. – XV в.	XVI в. – 1-я пол. XVII в.
<i>я (есть) князь</i>	36 $p = 0,00^*$	8 $p = 0,39$	18 $p = 1,00^*$	10 $p = 0,01^*$
<i>князь (есть)</i>	8	4	18	1
<i>я (есть) виноват</i>	28 $p = 0,8$	6 $p = 0,7$	13 $p = 0,02^*$	9 $p = 0,27$
<i>виноват (есть)</i>	31	7	29	4
<i>он (есть) князь / он (есть) виноват</i>	2 $p = 0,00^*$	0 $p = 0,5$	6 $p = 0,79$	35 $p = 0,00^*$
<i>князь (есть) / виноват (есть)</i>	29	2	8	1

* Статистически значимые результаты.

Данные этого анализа в целом подтвердили гипотезу о раннем доминировании местоименной модели в именных клаузах 1-го и 2-го лица с субстантивным предикатом, хотя и внесли в нее ряд оговорок. Так, гипотеза подтвердилась для самого раннего этапа: в XII в. в клаузах со сказуемым-существительным модель с субъектным местоимением уже значимо преобладает над безместоименной моделью (рис. 1). Однако в дальнейшем происходит своего рода поворот в изменениях: во 2-й половине XIV в. – XV в. уже наблюдается примерно равное соотношение моделей с местоимением и без. Затем число местоименных моделей 1-го и 2-го лица вновь растет и в XVI в. уже опять значимо преобладает над безместоименными моделями. Однако встреченный «зигзаг» в виде утраты доли местоименных моделей, впоследствии

сменившейся очередным ростом, несомненно, требует более глубокого изучения.

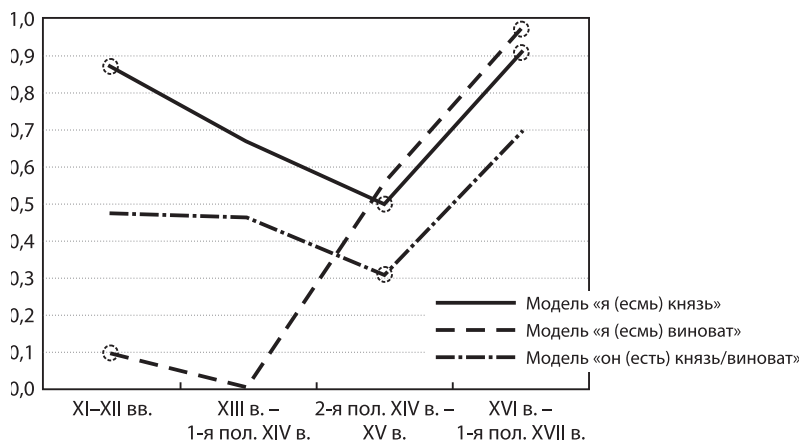

Рис. 1. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех именных клауз с редуцированной субъектной референцией на основе анализируемого корпуса, кружком обведены статистически значимые результаты

Что касается клауз со сказуемым-прилагательным (модели *я (есмь) виноват*), то на данном анализируемом корпусе они обнаружили точно такую же траекторию развития, как и субстантивные, однако доля местоимений в них стабильно оставалась приблизительно на 20% ниже, чем в клаузах с существительным. В силу ограниченного объема данных значимость для адъективных предикатов была доказана только на этапе 2-й половины XIV в. – XV в., однако важно, что на этом же этапе была доказана более высокая доля местоимений с субстантивными предикатами.

Местоимения же 3-го лица вплоть до середины XIV в. в немаркированной позиции фактически не встречаются вовсе, оставляя, таким образом, самую первую «волну» экспансии местоимений исключительно за 1-м и 2-м лицом. Впоследствии местоимения 3-го лица значительно расширяют сферу своего использования и к середине XVII в. даже несколько обгоняют 1-е и 2-е лица, однако самая ранняя распространяющаяся местоименная стратегия к 3-му лицу отношения не имеет и напрямую затрагивает только местоимения 1-го и 2-го лица.

Таким образом, можно говорить о том, что гипотеза о самой ранней местоименной экспансии в древнерусском языке в отношении клауз 1-го и 2-го лица с субстантивным предикатом подтвердилась. Тем не менее, данная гипотеза является намного более общей, чем упомянутый

тезис А.А. Зализняка, в котором говорится не просто о становлении местоименной стратегии как таковой, а о массовом переходе на более частную модель современного типа *я князь* (10 случаев из 11 на материале берестяных грамот). Данный факт, однако, не подтверждается на более широком материале данного корпуса, поскольку связочная модель – как с местоимением, так и без – периодически встречается даже в самых поздних текстах, и окончательного перехода к прогнозируемому, по данным А.А. Зализняка, «современному состоянию», вплоть до конца XVII в. не происходит. В этом плане показателен тот факт, что единственный пример без местоимения и со связкой, встретившийся в русско-нижненемецком разговорнике AnRB (кон. XVI в.), является как раз именной клаузой со сказуемым-прилагательным (16):

- (16) *Jas chotzu w tom po Calowati cto Jesmi Newinowat* (AnRB)
 ‘Я хочу передать то, что (я) не виноват’.

Данную особенность никак нельзя отнести к какому-либо возможному влиянию родного нижненемецкого языка автора, поскольку в нем конструкции без субъектного местоимения были в принципе неграмматичны. Подобные конструкции находят параллели и в аутентичных русских памятниках, в т. ч. написанных гораздо позже:

- (17) *Сами же и с своими войсками с тобою итти на Псков град готови есмя* (СтефБат, кон. XVI в.).

- (18) *холоп ли еси княгине Анне Щенятеве*
 (АктыОр 22, 1-я пол. XVII в.).

Тем самым очевидно, что модель с глагольной связкой типа *есмя князь / есмя виноват* в русском языке XVII в. нельзя связывать с какими-либо возможными авторскими окказионализмами, по-видимому, она в это время еще действительно употреблялась в языке. В связи с этим все более актуальным становится отдельный диахронический анализ утраты связок для установления их роли в процессе русской референциальной перестройки.

3.2.2. Глагольные связки в процессе экспансии местоимений

Для данного анализа все клаузы были распределены по двум выборкам по наличию/отсутствию глагольной связки, вне зависимости от наличия/отсутствия личного местоимения. После этого в программе SPSS при помощи биномиального критерия осуществлялась попарная статистическая проверка гипотезы H_0 о равном соотношении связочных и бессвязочных моделей для всей генеральной совокупности. Данная

проверка происходила таким же образом, как в разделе 3.2.1. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Статистическая проверка гипотезы
о соотношении связочных и бессвязочных моделей**

Тип модели	XI–XII вв.	XIII в. – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в. – XV в.	XVI в. – 1-я пол. XVII в.
(я) <i>я</i> князь	5 $p = 0,00^*$	6 $p = 1,00^*$	16 $p = 0,62$	7 $p = 0,55$
(я) <i>есть</i> князь	39	6	20	4
(я) <i>я</i> виноват	3 $p = 0,00^*$	5 $p = 0,58$	15 $p = 0,09$	9 $p = 0,27$
(я) <i>есть</i> виноват	56	8	27	4
<i>он</i> <i>я</i> виноват	3 $p = 0,00^*$	0 $p = 0,5$	12 $p = 0,01^*$	36 $p = 0,00^*$
(он) <i>есть</i> виноват	28	2	2	0

* – статистически значимые результаты.

Согласно полученным данным, на самом раннем этапе эволюции (XII–XIII вв.) наблюдается значимое доминирование связочных моделей над бессвязочными, как для 1-го и 2-го, так и для 3-го лица. С учетом того, что на этом же этапе в клаузах 1-го и 2-го лица со сказуемым-субстантивом уже преобладает местоименная стратегия (рис. 1), можно заключить, что данная экспансия местоимений никак не является последствием утраты связок, поскольку они еще значимо присутствуют более чем в половине случаев. Тем самым гипотезу о падении связок 3-го лица как первопричине всей дальнейшей эволюции для самого раннего задокументированного этапа приходится отклонить.

Тем не менее стоит отметить, что траектория падения связок существенно отличается для разных лиц, и в 3-м лице переход от связочной модели к бессвязочной происходит значительно раньше и резче, чем в 1-м и 2-м лице (рис. 2). Уже в XIV в. мы наблюдаем практически полное отсутствие связок 3-го лица, тогда как в 1-м и 2-м лице соотношение связочных и бессвязочных конструкций еще примерно равно. С учетом того, что в дальнейшем в русском языке связки 1-го и 2-го лица также утратились, нельзя исключить, что более ранняя утрата связок 3-го лица

могла дополнительно «подстегнуть» этот процесс и в той или иной мере ему способствовать. Однако к самой ранней задокументированной экспансии местоимений процесс утраты связей, по-видимому, отношения не имеет.

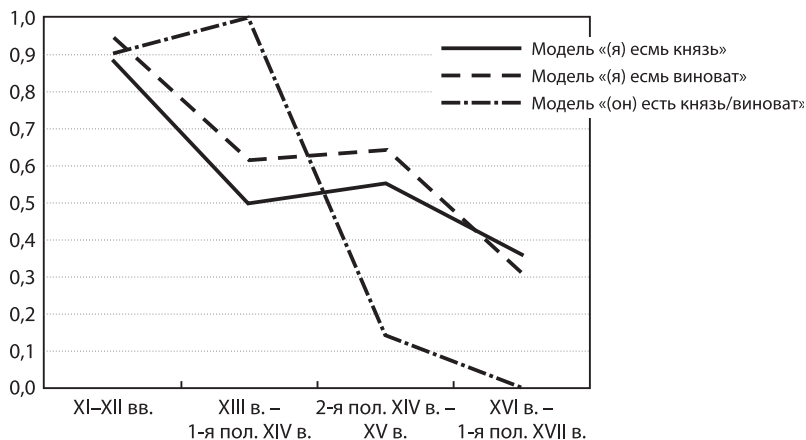

Рис. 2. Доля клауз с глаголом-связкой среди всех именных клауз с редуцированной субъектной референцией

В этой связи на первый план выходит следующий ключевой вопрос – о роли трехчленных моделей в общем процессе эволюции.

3.3. Трехчленные модели в процессе референциальной перестройки

С учетом полученных значимых данных об одновременном присутствии в самых древних текстах как местоимений, так и связей (иными словами – трехчленных моделей типа *я есмь князь*), наравне с высказываемыми рядом ученых мнениями о редкости таких конструкций, возникает необходимость отдельного их анализа и установления окончательной роли этих моделей в процессе русской референциальной эволюции. Для этого все собранные клаузы были хронологически распределены в 2 выборки в зависимости от модели (трехчленная vs двучленная¹) и подвергнуты статистическому анализу, аналогичному процедуре 3.2.1–3.2.2.

Итоговые результаты подтвердили значимое преобладание трехчленных моделей для 1-го и 2-го лица в клаузах с субстантивным предикатом на этапе XII–XIII вв. и вместе с тем показали, что уже к XIV в.

¹ Одночленные эллиптические конструкции были единичными и в данном анализе не участвовали.

оно сошло на нет: основной референциальной стратегией в это время уже является одна из двучленных моделей. В 3-м же лице трехчленные модели даже в самых ранних текстах практически не встречаются (таблица 4, рис. 3).

Таблица 4

**Статистическая проверка гипотезы
о соотношении трехчленных и двучленных моделей**

Тип модели	XI–XII вв.	XIII – 1-я пол. XIV вв.	2-я пол. XIV – XV вв.	XVI – 1-я пол. XVII вв.
<i>я есмь князь</i>	31 $p = 0,01^*$	3 $p = 0,23$	3 $p = 0,00^*$	3 $p = 0,23$
<i>я князь / князь есмь</i>	13	8	20	8
<i>я есмь виноват</i>	25 $p = 0,30$	1 $p = 0,04^*$	2 $p = 0,00^*$	0 $p = 0,00^*$
<i>я виноват / виноват есмь</i>	34	8	26	13
<i>он есть виноват</i>	0 $p = 0,00^*$	0 $p = 0,5$	0 $p = 0,01^*$	0 $p = 0,00^*$
<i>он виноват / виноват есть</i>	30	2	8	35

Общее число трехчленных моделей в корпусе исследуемых текстов составило 68 единиц (22%). Подавляющее большинство их встретилось в примерах прямой речи из летописей, однако небольшой процент вплоть до середины XVII в. стабильно присутствовал и в стилистически однородных не книжных текстах:

- (19) *Аз погана есмь* (ПВЛ, XI в.).
- (20) *вы есте людие дѣда моего и отца моего* (Киев-Д, XII в.).
- (21) *аз сам есмь готов за того тебе на помощь всюю моею силою* (Укр-26, XIV в.).
- (22) *ты на сем свете вере еси нашей подпора* (ПосКр-19, XV в.).
- (23) *Ты jesy omanszik* (AnRB, XVI в.).
- (24) *А родом есьми аз истариниий человек* (ЕршЕрш, XVII в.).

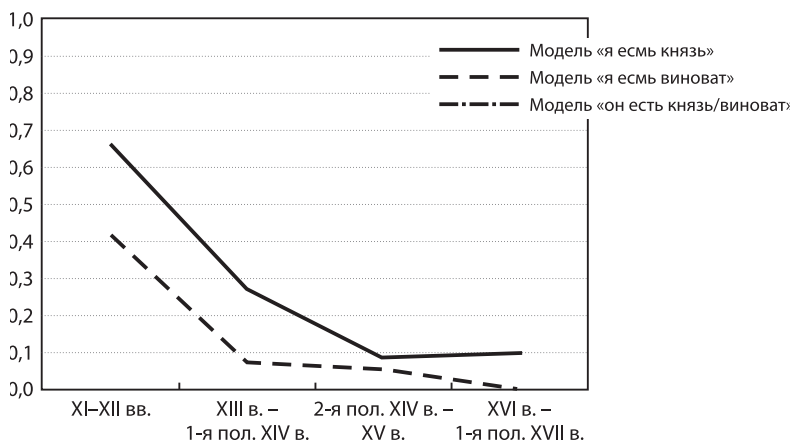

Рис. 3. Доля трехчленных моделей с местоимением 1-го и 2-го лица среди всех именных клауз с редуцированной субъектной референцией

Эти факты позволяют с достаточной уверенностью говорить о том, что трехчленные модели не являлись какой-либо индивидуальной чертой конкретного писателя, способной исказить выборку, а действительно достаточно долго употреблялись в языке и воспринимались носителями как абсолютно грамматичные. В этой связи стоит еще раз рассмотреть замечание А.А. Зализняка о редкости этих моделей в памятниках, близких к живой речи (в частности, берестяных грамотах): действительно, во всем корпусе берестяных грамот XI–XV вв. такая модель встретила только 1 раз (см. (14)), что, на первый взгляд, ставит под сомнение высказанный выше тезис.

Однако при анализе грамот в контексте корпуса значительно большего объема видно, что значимое доминирование стратегии с двойным маркированием референта приходится как раз на самый ранний письменно засвидетельствованный период памятников – до XIII в. С учетом того, что объем релевантных именных клауз в более ранних грамотах составляет лишь 19 единиц, поскольку большинство берестяных грамот относится к более позднему периоду, ничего удивительного, что в них подобные модели уже не встречаются. В этой связи показательно, однако, что единственный пример трехчленной модели присутствует в одной из самых ранних грамот начала XII в., что согласуется с данными о доминировании этих конструкций в древнерусском языке на самом раннем этапе. Тем не менее, в силу отсутствия письменных памятников этого периода проследить точную историю становления трехчленных

моделей не представляется возможным. Однако не вызывает сомнения, что они являются самым первым задокументированным признаком начавшейся экспансии местоимений в древнерусском языке.

Дальнейшее развитие трехчленных конструкций также проясняет ряд спорных вопросов в истории русской референциальной эволюции, в частности, особую «зигзагообразную» траекторию экспансии местоимений 1-го и 2-го лица (см. раздел 3.2.1). Так, значимая утрата части местоименных клауз с субстантивным предикатом к XV в. объясняется тем, что к этому времени трехчленные конструкции, некогда бывшие основным средством референциального маркирования, фактически «распались» на две конкурирующие двучленные модели с субъектным местоимением либо глагольной связкой в качестве ведущего референциального показателя. Этот факт согласуется с наблюдением ряда исследователей о том, что по отношению друг к другу данные модели уже «начиная с самых ранних бытовых и юридических текстов» [Хабургаев, 1978, с. 45] воспринимались как контекстуальные синонимы: «анализ литературных текстов... показывает, что формы *есмь*, *еси* (и т.д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени!), оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений» [Там же], см. также [Зализняк, 2004, с. 179]. Тем самым, по сути, новая двучленная модель с глагольной связкой лишь по форме совпадает с предполагаемой моделью для протопериода до экспансии местоимений – основное грамматическое значение вспомогательного глагола в новой модели уже утрачено. В ходе анализа это подтвердилось и на более широком материале именных клауз с помощью критерия отрицания: уже в самых ранних не книжных текстах оно встречалось только при именной части сказуемого, а не при вспомогательном глаголе (ср. схожие наблюдения [Хабургаев, 1978, с. 46] для перфектных клауз):

(25) *я брате тѣмъ не трудень есмь* (ПВЛ, XI в.).

(26) *а не виновате есмь ни вѣк(ъ)шею* (БГ-834, XII в.).

(27) *тем есмя ему не виноваты* (ГВНП-132, XIV в.).

Очевидно, несколько веков одновременного сосуществования двух двучленных стратегий (рис. 1), воспринимаемых носителями как полные синонимы, в конечном итоге привели к выравниванию языковой парадигмы с установлением одной модели как единственно употребительной. Итоговый выбор во всех лицах был сделан в пользу местоименной стратегии – не исключено, что под влиянием новых местоимений 3-го лица, распространившихся в языке в связи с падением соответствующих глагольных связок к XV в.

Тем самым, основные этапы эволюции, прослеженной на материале именных клауз, можно свести к следующей хронологической схеме (первый этап является реконструируемым).

1. Общеславянский период: аффиксальная стратегия маркирования референции, местоимения употребляются только в ограниченных маркированных случаях (эмфаза, контраст и т.д.).

2. XII в. Установилась трехчленная модель с местоимением, глаголом-связкой и именной частью сказуемого *ты еси князь / ты еси виноват* в качестве основной стратегии маркирования референта в 1-м и 2-м лице.

3. XIII – 1-я пол. XIV вв.:

- утрата связок 3-го лица, появление первых местоимений 3-го лица в неэмфатическом употреблении;
- утрата трехчленной модели в 1-м и 2-м лице как основной стратегии маркирования и расщепление ее на 2 синонимичные модели *князь еси / ты князь*.

4. XIV–XV вв. Резкое распространение субъектных местоимений 3-го лица и вслед за ним – постепенный выбор стратегии с местоимениями 1-го и 2-го лица в качестве основной.

5. XVI–XVII вв. Завершение экспансии местоимений во всех лицах. Переход к современному состоянию.

4. Заключение

Представленная работа является диахроническим исследованием максимально возможного числа именных клауз русского языка, с учетом стилевой однородности соответствующих текстов. Собранный в ходе исследования различных корпусов и библиотек материал помог прояснить самый ранний механизм русской референциальной перестройки, а именно – установить, на каком этапе модель с субъектным местоимением впервые стала доминировать в древнерусском языке. Данная гипотеза была проверена на материале именных клауз, поскольку именно они ранее предполагались в работах [Зализняк, 2004, 2008] в качестве первого маркера новой местоименной стратегии. Выяснено, что самый ранний этап эволюции непосредственно связан с распространением трехчленных моделей из местоимения, глагольной связки и именной части сказуемого в период до XII в. Параллельно было установлено, что первичная утрата глагольных связок 3-го лица никак не могла послужить причиной самой ранней экспансии местоимений. Тем самым, применительно к общей схеме русской референциальной эволюции, диахронический анализ, проведенный в данной работе, заставляет сделать выбор в пользу гипотезы о первичном характере

экспансии местоимений по отношению к утрате глагольных связок [Зализняк, 2004]. Вместе с тем не исключена роль падения связок 3-го лица в более позднем распространении местоимений в глагольных клаузах, однако для самого раннего задокументированного этапа имеющиеся данные свидетельствуют против первичности утраты связок по отношению к распространению местоимений.

Причины, вызвавшие изначальную экспансию местоимений в древнерусском языке, на данный момент остаются открытыми. В [Kibrik, 2013] высказывается гипотеза о том, что изначальная экспансия могла быть отголоском внешнего германского влияния, с учетом общей типологической редкости соответствующей референциальной стратегии. Тем не менее, на данный момент данные о каких-либо интенсивных германско-русских контактах XI–XII вв., способных привести к такому глубокому синтаксическому заимствованию, отсутствуют, что заставляет, в первую очередь, искать причины во внутренней структуре языка. Поиск таких синтаксических и/или семантических особенностей именных клауз является задачей будущих исследований.

Библиографический список / References

Борковский, Кузнецов, 2006 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. [Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [A historical grammar of Russian]. Moscow, 2006.]

Горшкова, Хабургаев, 1981 – Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. [Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [A historical grammar of Russian]. Moscow, 1981.]

Грицкат, 1954 – Грицкат И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Београд, 1954. [Grickat I. O perfektu bez pomoćnog glagola u srpskohrvatskom jeziku i srodnim sintaksičkim pojavama. [On zero-copula perfect in Serbo-Croatian and related syntactic phenomena]. Beograd, 1954.]

Живов, 1996 – Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. [Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII – XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language of the 17th–18th centuries]. Moscow, 2004.]

Живов, 2017 – Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. [Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti [The history of the language of Russian writing system]. Moscow, 2017.]

Зализняк, 1998 – Зализняк А.А. Из наблюдений над «Разговорником» Фенне // Полутрон. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1998. С. 235–275. [Zaliznyak A.A. Iz nablyudenii nad «Razgovornikom» Fenne [From observations on Tönnies Fenne's "Phrasebook"].

Polytropon. K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova. Nikolaeva T.M. (ed.). Moscow, 1998. Pp. 235–275.]

Зализняк, 2003 – Зализняк А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 2003. С. 218–223. [Zaliznyak A.A. The importance of birchbark letters for the history of the Russian language. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya.* Yanin V.L. (ed.). Moscow, 2003. Pp. 218–223.]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorodian dialects]. Moscow, 2004.]

Зализняк, 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008. [Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008.]

Иванов, 1982 – Иванов В.В. История временных форм глагола // Аванесов Р.И., Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 28–131. [Ivanov V.V. The history of verbal tense forms. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol.* Avanesov R.I., Ivanov V.V. (eds.) Moscow, 1982. Pp. 28–131.]

Лихачев, Лурье, 1951 – Лихачев Д.С., Лурье Я.С. Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. [Likhachev D.S., Lur'e Ya.S. *Poslaniya Ivana Groznogo* [The messages of Ivan the Terrible]. Moscow-Leningrad, 1951.]

Улуханов, 2002 – Улуханов И.С. О языке Древней Руси. М., 2002. [Ulukhanov I.S. *O yazyke Drevnei Rusi* [On the language of Kievan Rus]. Moscow, 2002.]

Успенский, 1994 – Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. [Uspenskii B.A. *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A short essay on the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow, 1994.]

Успенский, 2002 – Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. [Uspenskii B.A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [The history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow, 2002.]

Хабургаев, 1978 – Хабургаев Г.А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9 (филология). 1978. № 4. С. 42–53. [Khaburgaev G.A. The destiny of the auxiliary verbs in the Old Slavic analytic forms in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya.* 1978. № 4. Pp. 42–53.]

Черных, 1952 – Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952. [Chernykh P.Ya. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of Russian]. Moscow, 1952.]

Adams, 1987 – Adams M.P. Old French, null subjects and verb second phenomena. PhD thesis. Los Angeles, University of California, 1987.

Adams, Mallory, 2006 – Adams D.Q., Mallory J.P. The Oxford introduction to proto-indo-european and indo-european world. Oxford, 2006.

Bhat, 2007 – Bhat D.N.S. Pronouns. New York, 2007.

Cardinaletti, 2004 – Cardinaletti A. Towards a Cartography of Subject Positions. *The Cartography of Syntactic Structures. Vol. 2: The Structure of CP and IP.* Oxford, 2004. Pp. 115–165.

Dryer, 2011 – Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects. *World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool.* Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.) Munich, 2011. Chapter 101.

Eggenberger, 1961 – Eggenberger J. Das Subjektpronomen im Althochdeutschen. Ein syntaktischer Beitrag zur Frühgeschichte des deutschen Schrifttums. Chur, 1961.

Hopper, 1975 – Hopper P.J. The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic. The Hague and Paris, 1975.

Jakobson, 1971 – Jakobson R. Les enclitiques slaves. *Selected Writings*, Vol. II. The Hague, 1971/1935. Pp. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935.)

Kibrik, 1996 – Kibrik Andrej A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account. *Studies in Anaphora*. B.A. Fox (ed.) Amsterdam, 1996. Pp. 266–303.

Kibrik, 2004 – Kibrik Andrej A. Zero anaphora vs zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma? *Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC)*. Lisbon, 2004. Pp. 87–90.

Kibrik, 2011 – Kibrik Andrej A. Reference in discourse. Oxford, 2011.

Kibrik, 2013 – Kibrik Andrej A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin, 2013. Pp. 227–263.

Lindseth, 1998 – Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München, 1998.

Meyer, 2011 – Meyer R. The History of Null Subjects in North Slavonic. A Corpus-based Diachronic Investigation. Habilitationsschrift, Universität Regensburg, 2012.

Rizzi, 1997 – Rizzi L. A Parametric Approach to Comparative Syntax. Properties of the Pronominal System. *The New Comparative Syntax*. London, 1997. Pp. 268–285.

Siewierska, 2004 – Siewierska A. Person. Cambridge, 2004.

Walkden, 2014 – Walkden G. Syntactic Reconstruction and Proto-Germanic. Oxford, 2014.

Статья поступила в редакцию 9.06.2017

The article was received on 9.06.2017

Буденная Евгения Владимировна – аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник сектора ареальной лингвистики, Институт языкознания РАН, г. Москва

Budennaya Evgeniya V. – Graduate Student of Department of Theoretical and Applied Linguistics of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Researcher of Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: jane.sdrv@gmail.com